

27 декабря 2020 года свой юбилейный 90-й день рождения отмечает Кузнецов Борис Иванович – участник войны в Корее; в мирное время – токарь-карусельщик Ленинградского металлического завода, кавалер орденов Ленина (19.11.1985), Октябрьской Революции (27.02.1976), Трудового Красного Знамени (05.04.1971).

В июле 2020 года удалось познакомиться с Борисом Ивановичем и взять у него интервью. Несмотря на почтенный возраст и проблемы со здоровьем он сохранил отличную память и подробно рассказал о событиях своей жизни. При разговоре также присутствовали его жена Людмила Серафимовна, дочь Ольга Борисовна и внук Андрей Сергеевич, которые дополняли его.

Родился Борис Иванович Кузнецов 27 декабря 1930 года в д. Спасской Малодорского сельсовета. Хотя корни рода Кузнецовых, как удалось выяснить, идут из д. Глазановской, но отец Бориса Ивановича Иван Алексеевич приобрел дом в д. Спасской, где семья проживает летом до сих пор.

До призыва в армию Борис Иванович работал бухгалтером. 9 октября 1950 года ему вручили повестку, и мать отвезла его на лошадке в Шангалы, где находился военкомат, а оттуда – на ст. Костылево.

Служить довелось в Калининградской области механиком авиационной части на территории бывшего немецкого танкового училища. Год обучали новому, поступившему в войска самолёту – истребителю МИГ-15. Был командиром отделения; это было почти 70 лет назад, но Борис Иванович по памяти назвал всех солдат своей «десятки», в том числе среди сослуживцев был и Нецветаев Павел из с. Бестужево. По окончании учёбы – практический экзамен: найти неисправность в самолёте, – и Борис Иванович нашёл: *«запустил самолет, и оказалось, что обороты уменьшены. Это говорит о том, что лопасть развёрнута одна, и сопротивление значительно больше. Ну, кто экзаменовал остался доволен».*

После окончания учебы направили служить в Эстонию (г. Хапсалу), там Борис Иванович готовил к вылетам учебно-тренировочный самолёт. Запомнился один случай: *«Летал генерал, и у него лопнуло переднее шасси. Почему лопнуло? Потому, я так считаю, что вместо бетонной полосы была железная. Я нигде не видал в аэродроме, чтобы была железная полоса. Но самолёт вышел со взлетной полосы. Я был механиком, и очень быстро у меня получилось: заменил это колесо, генерал был очень доволен».*

Через два месяца в часть приехали два полковника и Бориса Ивановича направили в Китайскую Народную Республику (на границу с Кореей), несмотря на просьбу главного инженера оставить в части. В Москве сформировали группу, посадили в пассажирский поезд, ехали до Читы. В Чите сняли погоны, на границе с Китаем поменяли форму военную советскую на гражданскую форму китайского производства. (Это объясняется тем, что Советский Союз участвовал в войне в Корее неофициально, и присутствия своих военных в зоне конфликта нельзя было афишировать).

По воспоминаниям Бориса Ивановича Кузнецова, их посадили в закрытые машины и отвезли на границу Китая с Кореей, где находился аэродром, за время службы они сменили еще два аэродрома. Как механик он занимался своим привычным делом –

готовил к вылету самолёты, затем его назначили техником (офицерская должность), который полностью отвечал за обслуживание боевой машины. В день иногда приходилось обслуживать по пять вылетов. Из нового, что запомнилось Борису Ивановичу, – использовались подвесные баки по 350 литров, чтобы самолёту хватало горючего для вылета на дальние расстояния: *«Самолет не должен летать [больше] 45-ти минут, не хватает горючего».*

Борис Иванович обслуживал самолёт, на котором наш лётчик сбил семь американских Сэйбров [Истребитель F-86 «Sabre» – знаменитый американский реактивный самолет, основной конкурент наших МИГ-15 во время войны в Корее]. Фамилию лётчика Борис Иванович не знал. От техников и механиков требовали выполнения только своей работы – обслуживать самолёты, которые садились, с лётчиками при этом почти не общались: *«они – отдельное звено».*

Выходить за пределы части запрещалось: *«Ходить свободно мы не имели права. Один раз я пытался, где спали, просто с горы посмотреть – китаец меня остановил. Потому что считалось так: разные мыши, крысы, разные животные кругом были заражены. Это нам было сказано, но никто у нас не погиб».* (Действительно, имеются сведения, что американцы пытались использовать бактериологическое оружие в Корее; по официальным китайским данным, американскими самолётами сбрасывались бомбы, начинённые грызунами и насекомыми, заражёнными чумой и холерой).

Непосредственно сам аэродром, по воспоминаниям Бориса Ивановича, не бомбили, но пару раз приходилось пережить воздушную тревогу на рисовом и кукурузном поле, а в поселении рядом с аэродромом в результате бомбардировки было снесено 2 000 домов.

Запомнился еще один случай: *«До конца войны осталось 25 дней, мой самолёт потерпел аварию: лётчик – по какой причине нам не объясняют – посадил самолёт на корейский аэродром, сказали, что забыл выпустить шасси. Самолёт на посадочной полосе загорелся. Нас пять человек (четыре офицера и я, сержант) отправили на корейский аэродром, взяв полтора ящика взрывчатки. Но нас на дороге встретили и сказали, что всю эту процедуру с взлетной полосы сделают сами корейцы. А нас остановили и сказали: «Вам даём другую работу». Пришли контейнеры новых самолётов [из Советского Союза привозили самолёты разобранные]. Нам пятерым сказали собрать пять самолётов. 20 дней мы собирали пять самолётов, собрали и поехали».*

Война закончилась, но не исчезла атмосфера секретности, связанная с ней. Документы из части не пришли, и в военкомате поначалу записали информацию об участии в боевых действиях со слов самого Бориса Ивановича. Затем ему пришлось обращаться даже в архив, чтобы получить справку, подтверждающую факт военной службы с 1 ноября 1952 по 27 июля 1953 года в Северной Корее. Таким образом, его наконец приравнивали, как это полагается по закону, к участникам Великой Отечественной войны. Такова судьба многих людей, принимавших участие в непризнанных военных конфликтах, как в то время, так и сейчас. Удивительным также представляется и то, что участников войны в Корее так и не пытались собрать даже в юбилейные даты, свозить на памятные места в то время, когда говорить об их участии в войне стало возможно (по словам Бориса Ивановича, они давали

подписку на 25 лет о неразглашении. Во время войны адрес, по которому им можно было ему писать: Москва, в/ч (номер воинской части), и всё: *«Родители – и те не знали, где я»*).

После возвращения из Кореи (Китая) Борис Иванович еще некоторое время защищал от проникновения «Сейбров» южные рубежи наши Родины и был демобилизован в 1954 году в звании старшего сержанта. Поскольку он не был никогда колхозником и имел паспорт, то мог после службы избрать любое место жительства и выбрал Ленинград – город, в котором он до этого бывал и который ему очень понравился и где жила его тетя Вера из д. Спасской.

Трудно поначалу было с пропиской. Борис Иванович хотел устроиться работать на аэродром, но отец погибшего в Эстонии в результате несчастного случая товарища Гаврилова Жени позвал его работать на Ленинградский металлический завод, в секретный цех, в котором делали турбины для гидроэлектростанций. Здесь Борис Иванович проработал всю свою трудовую жизнь, до самого выхода на пенсию.

Цех оказался очень огромный: 400 на 400 метров и высотой 40 метров. Сначала Борис Иванович был разнорабочим, подручным токаря и затем стал самим токарем-карусельщиком. Причем специально токарному делу его никто не учил. Токарный станок карусельного типа, на котором работал Борис Иванович, имел внушительный размер: девять метров в диаметре, высотой с двухэтажный дом. На него можно было поставить заготовку высотой пять метров и весом до 150 тонн. При этом для изготовления деталей на таком станке требовалась точность порой вплоть до микрон. *«Самое точное, – вспоминает Борис Иванович, – отверстие, где вставляется вал. К нам привезли с Украины вал 400 мм (40 см) [диаметром], был сломан. Можете представить, какая нагрузка: вал весил 100 тонн»*. Все зависело от добросовестности и точности токаря, работающего на станке.

Начальники быстро заметили, что молодой токарь соображает – поставили бригадиром. В советское время – время великих строек – приходилось выполнять множество ответственных поручений. Самая ответственная работа – это изготовление рабочих колёс для турбин гидроэлектростанций. По словам Бориса Ивановича, каждое колесо весило 120 – 150 тонн (когда была авария на Саяно-Шушенской ГЭС, такое колесо показывали), поставляли их и за границу: *«В Египте гидроэлектростанция – все колёса наши, в Канаду продавали...»*.

Приходилось выполнять задания и для космической отрасли: *«когда в космодроме был взрыв, ...начальник приезжал, с нами разговаривал: ребята сделайте, побыстрее нужно»*. Поскольку такого оборудования, как на Металлическом заводе, больше нигде не было – «один в Союзе», – то здесь изготавливались объёмные и массивные детали. Так, Борис Иванович принимал участие в изготовлении кольца диаметром 12 метров, состоящего из двух частей, в которое ставится ракета. По его словам, однажды в цех была доставлена и сама ракета: *«у Гагарина по высоте ракета не заходила, дак у нас рядом с нашим станком стояли две ямы бетонные»*.

Габаритные детали вывозили из цеха прямо на поезде, везли на причал, где краном грузили на морские суда, поскольку по железной дороге отправлять их было нельзя: не все мосты над железной дорогой имели необходимую высоту.

О своих наградах Борис Иванович отзывается скромно: *«Я считаю, что это просто за работу»*. Но ордена Ленина, Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени просто так не дают. На вопрос: *«В чем вот именно заключалось мастерство при изготовлении турбины?»*, ответила его жена: *«Это от желания, от совести, от трудолюбия, – всё от себя зависело. Он всю жизнь работал без выходных почти. И в три смены. Я говорю: «Ты в выходной почти не бываешь, неужели ты свою работу так любишь?» – «Да, люблю». – Вот и весь сказ»*.

В 1978 году в цехе решили заменить токарно-карусельный станок – купить новый с числовым программным управлением. Начальство ценило Бориса Ивановича, и его направили для изготовления станка и обучения работы на нём за границу. Рассказывает Борис Иванович: *«Меня назначили в 1978 году в командировку больше двух месяцев в Западную Германию. Там во многих городах я был крупных, а мелких я даже и забыл, по реке Рейну. На машине ездили из города в город, даже один раз на самолёте летали. Жили там в гостинице американской, нас было пять человек, но занимали пять комнат. Хотя я критиковал их, своих начальников, что можно было сообща. А надо же деньги платить за это. Карусель сделали. Мне предлагали карусель вывезить – я говорю: я немецкого языка не знаю, отказываюсь. В общем, через год станок был восстановлен»*. Новый станок был несколько меньше – диаметром шесть метров, но для работы на нём пришлось переучиваться. В цехе находился еще один станок диаметром 19 метров, на нем Борис Ивановичу также доводилось работать.

Должен был Борис Иванович Кузнецов получить и звание Героя Социалистического Труда. Но, к сожалению, в его смену на момент представления к награде произошло несчастье: *«Вновь прибывший рабочий, подполковник, попал в станок. Но меня ничего не осудили, и я не виноват: в это время точил резцы. Поэтому наказания мне не было»*. Тем не менее к званию Героя Социалистического Труда был представлен его друг Морозов, а бригадир токарь-карусельщик высшего разряда Борис Иванович Кузнецов получил награду статусом пониже – орден Ленина.

Металлический завод за все время работы на нем Бориса Ивановича посещали Ю.А. Гагарин, Л.И. Брежнев, Б.Н. Ельцин, другие высокие чины и представительные делегации. В 1990 году Борис Иванович вышел на пенсию: *«предлагали после пенсии работать, но я отказался, так как материально ответственное лицо»*. Никаких материальных благ за свой труд Борис Иванович не нажил и не стремился к этому. Единственное, что он получил от государства – это автомашина «Волга» в экспортном исполнении, – которая до сих пор на ходу, и которую Борис Иванович водил до 85 лет, – и ту он купил.

Еще во время работы не раз предлагали путёвку за границу отдохнуть, но Борис Иванович всякий раз отказывался: *«я поеду в Архангельскую область»*. И приезжал и приезжает в д. Спасскую каждый год, уже не одно поколение семьи здесь выросло, вот уже и правнуки летом здесь живут. На отдыхе Борис Иванович любил ходить в лес, увлекался охотой: рассказывает, что ходил на кабанов, а *«одного медведя я видел за два метра, такой симпатичный, не могу никак забыть его. Но я только повернулся – он сразу убежал»*.

В конце своего рассказа Борис Иванович словно подвел ему итог, сказав: *«Жизнь у меня простая, и я ей доволен»*. И, глядя на него, понимаешь, что это так.

В юбилейный 90-й день рождения желаем Борису Ивановичу Кузнецову здоровья, хорошего самочувствия, долгих лет жизни, гордимся своим земляком!